

10-765к. 7

ИВАНОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

9

ОГИЗ

ИВГИЗ

1948

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

8 февраля 1942 г. в ожесточенном бою на Западном фронте пал смертью храбрых гвардии рядовой, комсомолец Николай Петрович Майоров. Вражеская пуля оборвала жизнь молодого, без сомнения очень талантливого поэта, горячего патриота своей родины.

Николай Петрович Майоров родился в мае 1919 г. Детство и юность поэта протекли в г. Иванове. В 1937 г., окончив 33-ю среднюю школу, Николай Майоров уезжает в Москву и поступает в Московский Государственный университет на исторический факультет. Историческая наука увлекает молодого поэта, он много и кропотливо работает, нередко удивляя профессоров своими глубокими и разносторонними знаниями.

Любовь к настоящему русскому слову, к поэзии приводит молодого поэта в Литинститут при Союзе советских писателей. Начинается параллельная учеба сразу в двух вузах.

Великая Отечественная война застала поэта на студенческой скамье. Досрочно сдав государственные экзамены, Николай Майоров рядовым уходит в действующую армию.

Скромный и требовательный к себе, Николай Майоров при жизни напечатал только несколько стихотворений. Им написаны две поэмы: «Ваятель» и «Семья» и много стихотворений, которых, к сожалению, до сих пор не удалось разыскать.

Публикуемые нами стихотворения Николая Майорова показывают силу и глубину чувств безвременно погибшего поэта, его большую любовь к нашей Родине.

ТВОРЧЕСТВО

Есть жажда творчества,
уменье созидать,
на камень камень класть,
вести леса строений,
не спать ночей, по суткам голодать,
вставать до звезд и падать на колени;
брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
весь мир вместив в дыхание одно,
одним мазком весь этот лес и камни
живыми положить на полотно.
Не дописав, —
оставить кисти сыну,

так передать цветы своей земли,
чтоб век спустя все также мяли глину
и лучшего придумать не могли.
А жизнь научит правде и терпению,
принудит жить и, прежде, чем стареть,
она заставит выжать все уменье,
какое ты обязан был иметь!

1939 г

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

Рассвет сочился будто в сите,
когда в звенящем серебре
рванулся резко истребитель
косым движением к земле.
Пилот, в бесстрашии шансы взвесив,
хватался в спешке за рули, —
но все дороги с поднебесья
к суровой гибели вели.
И с жаждой верной не разбиться,
спасая в виражах мотор,
хотел он взмыть, но силу птицы
презрели небо и простор.
Она все тело распластала,
скользя в пространстве на крыле, —
и вспышкой взрыва и металла
жизнь догорела на земле.
...А сила ветра также крепла,
восходом солнца цвел восток,
и на земле сквозь дымку пепла
пробился утренний цветок.
Уже истлели тело, крылья
но жизнь, войдя с людьми в родство,
презрев пред гибелью бессилье,
свое справляла торжество.
Как прежде, люди в небо рвались
в упорной жажде высоты.
А в небе гасли, рассыпались
звезд изумрудные цветы.
И пахли юностью побеги,
ветвей. Прорезав тишину,
другой пилот в крутом разбеге
взмыл в голубую вышину.
Мир был попрежнему огромен,

прекрасен, радужен, цветист;
и с человеческим сердцем вровень
на ветке бился первый лист.
И, не смущаясь пепла, тлена,
крушенья дерзостной мечты,
вновь ликовала кровь по венам
в упорной жажде высоты!

1939 г.

БАЛЛАДА О ЧКАЛОВЕ

Всего неделю лишь назад
он делал в клинике доклад.

Он сел за стол напротив нас,
потом спросил — который час?

Заговорив, шел напролом —
и стало тесно за столом.

Упрямо спорил, возражал,
больным и сестрам руки жал.

Слова качались, как весы,
он говорил, что врут часы,

что только б жить — и хватит сил,
он только времени просил.

И каждый понял, почему
так тесно в воздухе ему.

И то ли сон, горячка то ль, —
но мы забыли вдруг про боль.

Понять нельзя и одолеть,
как можно в этот день болеть.

Врачи забыли про больных
и сестры зря искали их.

Иод засох и на столе
лежал, как память о земле,

где людям, вышедшим на смерть,
хоть раз в году дано болеть.

Лекарств не надо. К чорту их.
Мы все здоровы. Нет больных.

Пусть кровь застынет на бинтах —
(так полагалось на фронтах).

А он уже не видел нас,
он весь горел, он руки тряс,

рукой поправил прядь волос;
а голос выше шел и рос,

гремел, как буря, падал, звал
и мертвых с коек поднимал.

...Докладчик кончил. И потом
он раны нам схватил бинтом,

он проводил нас до палат.
Ушел.. И вот — пришел назад.

И врач склонился над столом
над ним — с поломанным крылом.

И было ясно, что ему
теперь лекарства ни к чему.

И было тихо. Он лежал —
и никому не возражал.

Был день, как он, и тих и прост,
и жаль, что нету в небе звезд.

И в первый раз спокойный врач
не мог сказать сестре: «Не плачь».

1939 г.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Когда подумать бы могли вы,
что выйдя к лесу за стогабы,
в траву и пни ударит ливень,
а через час пойдут грибы? —
И стало б видно вам отселе,

Лишь только ветви отвести,
когда пойдет слепая зелень,
как в лихорадке, лес трясти.
Такая будет благодать
для всякой твари! Даже птицам
вдруг не захочется летать,
когда кругом трава дымится
и каждый штрих непостоянен,
и лишь позднее — тишина...
Так ливень шел, смещая грани,
меняя краски и тона.
Размыты камни. Словно бивни,
торчат они, их мучит зуд;
а по земле, размытой ливнем,
жуки глазастые ползут.
А детвора в косоворотках
бежит по лужам звонким, где,
кружась, плывет в бумажных лодках,
пристрастье детское к воде.
Горит земля, и пахнет чаща
дымящим пухом голубей,
а в окна входит мир, кипящий
зеленым зельем тополей.
Вот так и хочется забыться,
оставить книги, выйти в день
и, заложив углом страницу,
пройтись босому по воде.
А после — дома, за столом,
сверкая золотом оправы
очков, рассказывать о том,
как ливни ходят напролом,
не разбирая, где канавы.

1940 г.

ВЕСЕННЕЕ

Я шел, веселый и нескладный,
почти влюбленный, и никто
мне не сказал в дверях парадных,
что не застегнуто пальто.

Несло весной и чем-то теплым,
а от слободки, по низам,
шел первый дождь,
он бился в стекла,

гремел в ушах,
слепил глаза,
летел,
был слеп наполовину,
почти прямой. И вместе с ним
вступала боль сквозная в спину
недомоганием сплошным.

В тот день еще цветов не знали,
и лишь потом на всех углах
вразбивку бабы торговали,
сбывая радость второпях.
Ту радость трогали и мяли,
просили взять,
вдыхали в нос,
на грудь прикалывали,
брали
поштучно,
оптом
и вразнос.
Ее вносили к нам в квартиру,
как лампу, ставили на стол, —
лишь я один, должно быть, в мире
спокойно рядом с ней прошел.

Я был высок, как это небо,
меня не трогали цветы, —
я думал о бульварах, где бы
мне встретилась случайно ты,
с которой я лишь по наслышке,
по первой памяти знаком, —
дорогой, тронутой снежком,
носил твои из школы книжки...

Откликнись что ли?
Только ветер
да дождь, идущий по прямой...
А надо вспомнить —
мы лишь дети,
которых снова ждут домой
да чай остыл,
черствеет булка...
Так снова жизнь приходит к нам
последней партой,
переулком,
где мы стояли по часам...
Так я иду, прямой, просторный,
а где-то сзади, невпопад,

проходит детство, и волторны
словами песни говорят.

Мир только в детстве перевозданен,
когда себя не видя в нем,
мы бредим морем, поездами,
раскрытым настезь в сад окном,
чужою радостью, досадой,
зеленым льдом балтийских скал
и чьим-то слишком белым садом,
где ливень яблоки сбивал.

Пусть неуютно в нем, неладно,
нам снова хочется домой,
в тот мир простой, как лист тетрадный
где я прошел, большой, нескладный,
и удивительно прямой.

1940 г.

ПУШКИН

Ты не видел небо Абиссинии, —
чахлая российская гроза
захлестнула болью синие,
крепко загрустившие глаза.
И на чем глазам остановиться
в этом мире злобном и пустом,
если вся жандармская столица
указует на тебя перстом.
Если псы всех тайных отделений,
оплчившись в скученном строю,
в зверском арапчеевском равнении
топчут жизнь прекрасную твою?
Не на смех ли от царя досталось
юнкерские почести носить?
Хоть спросить бы, комкая усталость,
много ли тебе еще осталось
сочинять, встречаться, колесить?..
...Ты сидишь, кусая злобно перья,
а ослабший северный закат
проползает комнатой до двери, —
день ушел, чтоб не придти назад!
День ушел —
и жизнь опять короче:
вновь дороги, степи, деревца;
и ямщик допеть тебе не хочет
этой песни, грустной до конца.

1938 г.

ПАМЯТНИК

Им не воздвигли мраморной плиты...
На бугорок, где гроб землей накрыли,
как ощущение вечной высоты,
пропеллер неисправный положили.

И надписи надписывать им рано —
ведь каждый, небо видевший, читал,
когда слова высокого чекана
пропеллер их на небе высекал.

И хоть рекорд достигнут ими не был,
хотя мотор и сдал на полпути, —
остановись, взгляни прямее в небо
и надпись ту, как мужество, прочти

О, если б все с такою жаждой жили,
чтоб на могилу им взамен плиты,
как память ими взятой высоты,
их инструмент разбитый положили
и лишь потом поставили цветы.

1939 г.

